

Елизавета Федоровна Литвинова

**Жан Антуан Кондорсе. Его
жизнь и научно-политическая
деятельность**

Жизнь замечательных людей

Елизавета Литвинова

**Жан Антуан Кондорсе.
Его жизнь и научно-
политическая деятельность**

«Public Domain»

Литвинова Е. Ф.

Жан Антуан Кондорсе. Его жизнь и научно-политическая деятельность / Е. Ф. Литвинова — «Public Domain»,
— (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад отдельной книгой в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют по сей день информационную и энергетико-психологическую ценность. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I	8
Глава II	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Е. Ф. Литвинова
Жан Антуан Кондорсе (1743
—1794). Его жизнь и научно –
политическая деятельность

Биографический очерк Е. Ф. Литвиновой

С портретом Кондорсе, гравированным в Петербурге К. Адтом

Введение

Имя Кондорсе известно математикам, экономистам, философам, политическим деятелям, но ни первые, ни вторые, ни третьи не составят себе полного понятия о силе ума этого замечательного человека, рассматривая какой-нибудь один род его деятельности, потому что ни в одной из названных областей знания он не сделал того, что мог бы сделать в том случае, если бы отдался исключительно одной науке. Личность этого истинного друга человечества так своеобразно отразилась на его деятельности, что понимание последней без уяснения первой сделалось невозможным. Великие современники Кондорсе – Д'Аламбер, Лагранж, Вольтер, Тюрго и другие – высоко ценили его ум и талант и все без исключения преклонялись перед его нравственностью. Однако слава Кондорсе при жизни и после смерти была далеко не пропорциональна его дарованиям и заслугам; толпа его не понимала; он слишком опередил свой век, и имя его никогда не гремело при жизни; не скоро отдали ему должное и по смерти. В истории Конвента имя Кондорсе кажется бледным сравнительно с именами Робеспьера, Дантона, Марата. В истории философии ему посвящают несколько строк. Не более благосклонны к нему были вплоть до нашего времени и представители других наук. В 1894 году в марте исполнилось сто лет со дня смерти Кондорсе, и отношение к нему во Франции совершенно изменилось. Эту знаменательную перемену наш известный экономист М. Ковалевский описывает следующим образом. В столетнюю годовщину смерти Кондорсе, родоначальника теории прогресса, Франция ставит ему памятник, которого до сих пор не удостоились ни Мирабо, ни Верньо, ни вожаки монтаньяров, за исключением одного только Дантона. В чем лежит причина такого пристрастия; какую особую притягательную силу имеет в себе эта личность; что заставляет различные партии окружать ее одинаковым почетом? В Кондорсе воплощаются одновременно и дух великого века философии, дух энциклопедистов и физиократов, и политические стремления, восторжествовавшие уже в наше время. В нем ученый математик, блестящий, экономист и публицист сливаются с одним из первых провозвестников и защитников народовластия, с действительным виновником проведенной Конвентом реформы публичного образования, наконец, с творцом той новой науки, которая приближается к современной нам истории культуры и гражданственности. В то же время Кондорсе как политический деятель не забрызган кровью сентябрьских жертв; его имя не встречается в списке ближайших виновников смерти Людовика XVI; он ближе всех деятелей своего времени к интересам и задачам нашего. Современники его, пользовавшиеся в свое время большей славой, отходят теперь на второй план. Когда-то они затмили Кондорсе своими бросающимися в глаза качествами, теперь же истина вступает в свои права. И эта посмертная участь Кондорсе в высшей степени для нас поучительна. Из биографии Кондорсе мы увидим, что он сам менее всего стремился к славе и постоянно думал о благе человечества. Несмотря на это, мы, по всей вероятности, знали бы о личности его очень немного, если бы он не состоял в близких отношениях с Вольтером, Д'Аламбером и др. Теми биографическими данными, которыми мы теперь располагаем, мы обязаны также его близким друзьям и родным. Эти данные мы находим в биографии Кондорсе, написанной Араго, в биографии, приложенной к изданию его сочинений 1847 года, и, наконец, в позднейшем сочинении Робинэ «*Vie de Condorcet*» и в статье М. Ковалевского о Кондорсе в «Вестнике Европы» (1894 год, март и апрель). Но лучшими пособиями к уяснению личности Кондорсе служат переписка его с Тюрго и с Вольтером, написанные им биографии замечательных людей, в которых он так прекрасно высказывает свои общие взгляды на жизнь, а также его завещание или советы дочери, послание в стихах, посвященное жене, и, наконец, политическая исповедь, написанная в последний год жизни. Вот и все материалы, которыми

можно располагать в настоящее время для уяснения сложной и в высшей степени интересной личности Кондорсе.

Глава I

Предки Кондорсе. – Мать и ее влияние в раннем детстве, развитие чувствительности и сдержанности. – Первоначальное образование в Реймсе. – Отрицательное влияние иезуитов. – Поступление в Наваррскую коллегию и первые успехи на математическом поприще. – Отношение Кондорсе к чистой науке. – Кондорсе и Д’Аламбер.

Жан Антуан Никола́ Коришот маркиз де Кондорсе принадлежал к древнему роду французской аристократии. Предки его известны между прочим тем, что едва ли не первыми во Франции приняли и стали открыто исповедовать протестантскую религию. Некоторые из них прославились своей храбростью на войне, другие занимали высокое положение в духовной иерархии и выдавались стойкостью своих убеждений. Отец Кондорсе служил капитаном в кавалерии. Дядя же, старший брат отца, был влиятельным епископом в Лизье и отличался сильным характером; он всегда выступал заклятым врагом янсенистов, против которых также много писал. Наследственный замок Кондорсе, находившийся в Дофинэ, перешел по наследству к старшей линии. Коришот Кондорсе родился 17 сентября 1743 года в Пикардии, в маленьком городке Рибемоне. Отец его умер в то время, когда сыну шел пятый год. Как видно, капитан оставил после себя ограниченное состояние: нам известно, что издержки по воспитанию Коришота принял на себя старший брат отца, епископ в Лизье. Мать Кондорсе, урожденная де Кудре, была женщина нежная, впечатлительная, сострадательная, пламенно преданная религии и в то же время преисполненная сословных предрассудков. Лишившись мужа и оставшись с ограниченными средствами, она чувствовала себя одинокой, незащищенной в жизни и прибегала к «теплой защитнице мира холодного»; она посвятила Божьей матери и своего единственного сына. Кондорсе от природы был крепкого сложения, широкоплечий, с высокой грудью. Его высокопоставленные родственники видели в нем будущего воина – храброго защитника Франции, а мать трепетала при одной мысли, что ее сын будет проливать чужую кровь и подвергать опасности свою жизнь.

До восьми лет Кондорсе не снимал белого длинного платья из тонкого батиста, обшитого кружевом; оно должно было служить символом чистоты и непорочности дитяти, посвященного Богу. Это платье вообще играло важную роль в жизни Кондорсе. Из-за него он позднее, чем его сверстники, поступил в школу: другие мальчики стали бы смеяться над ним и дергать за юбку, называя девчонкой; платье же мешало ему принимать участие в играх и шалостях. Он хорошо знал, в какой ужас пришла бы его мать, увидев сына в испачканном и разорванном платье; а это легко могло случиться, если бы он начал представлять из себя лошадку или кучера. Боязнь огорчить любимую мать приучила от природы живого и резвого мальчика сдерживать свои желания и порывы в самом раннем возрасте. Мать замечала, по всей вероятности, что слишком стесняет сына, и совесть упрекала ее за это, но мысль увидеть его с исцарапанным лицом или с подбитым глазом была невыносима тонкой, изящной аристократке. Наблюдательный, вдумчивый мальчик также замечал эту борьбу в сердце матери и старался казаться равнодушным каждый раз, когда ограничивали его детскую свободу; так научился он владеть и выражением своего лица. Вследствие неподвижности в детстве мускулы его развивались вяло; он так и остался неловким на всю жизнь и, жалуясь впоследствии на слабость ног, приписывал происхождение ее своему длинному белому платью, сильно стеснявшему движения их в детстве. Под влиянием матери в Кондорсе развились чувствительность и сострадание не только к людям, но и к животным. Отсутствие же детских игр и развлечений развило в нем наблюдательность и привычку размышлять. Но созерцательному ребенку, одаренному добрым и честным сердцем, приходилось часто слушать надменные разговоры родных, проникнутых сословными предрассудками, и он рано начал задумываться над вопросами справедливости и нравственности. Дядя-прелат вполне одоб-

рял первоначальное глубоко религиозное воспитание своего племянника, но когда мальчику пошел девятый год, он заметил невестке, что пора наконец освободить будущего прелата или воина от женского платья, и через год он отвез мальчика в Реймс в учебное заведение, находившееся в то время в руках иезуитов. Умственные силы Кондорсе обнаружились очень скоро: он прекрасно учился и особенно охотно занимался гуманитарными науками, составлявшими главные предметы в школе; но, несмотря на то, что Кондорсе провел свои отроческие годы под исключительным влиянием иезуитов, его доброе сердце помешало ему проникнуться свойственным им духом религиозной нетерпимости; напротив, противоположное чувство рано пустило в душе его глубокие корни.

В пятнадцать лет он был беспорочным и честным юношей; чувствительность его была так велика, что он не мог заниматься ни охотой, ни рыбной ловлей. Дядя-прелат очень усердно следил за успехами своего племянника и, вероятно, скоро заметив в нем проявления пытливого, свободного ума и несклонность к духовному поприщу, стал готовить его к военному званию.

Всякое другое занятие считалось в то время унижительным для дворянина. Но для военного неизбежно знание математики, которая находилась в пренебрежении у иезуитов. То, что Кондорсе был отдан дядею к иезуитам, и наводит на мысль, что мальчика изначально готовили к духовному поприщу.

В 1758 году Кондорсе получил уже награду за успехи в словесных науках и перешел в Париж в Наваррскую коллегию, где начал свое математическое образование. Успехи его в этой науке были поразительны. Через десять месяцев после вступления своего в коллегию Кондорсе, в присутствии Д'Аламбера, Клеро и Фонтеня, превосходно защищал очень трудный тезис из области высшего анализа, и эти светила науки тогда же признали в нем своего будущего знаменитого собрата. Такое единогласное одобрение великих математиков возбудило в молодом Кондорсе ревностное желание отдаться математике. Однако ученая карьера не входила в планы его дяди и других родных; все они смотрели на занятия математикой как на переходный этап, необходимый для будущей военной карьеры. Вопреки всем желаниям родных, Кондорсе решил посвятить себя науке и, окончив курс в коллегии, поселился у своего бывшего учителя Жиро де Керуду в Париже, где вел тихую, скромную жизнь.

В то время, несмотря на молодость, он был уже глубоким мыслителем. Но не одна математика занимала ум и сердце семнадцатилетнего юноши; он предавался размышлениям об основах нравственности и справедливости и создавал свою собственную теорию нравственности.

С юных лет Кондорсе верил в то, что род человеческий способен к беспредельному совершенствованию, и самой приятной обязанностью считал непосредственное содействие этому бесконечному прогрессу; он также был убежден, что это вообще есть первая обязанность всякого человека, разум которого развит и укреплен наукой и размышлением.

В жизни и деятельности Кондорсе играли также очень важную роль личные привязанности. Дружба с Д'Аламбером возбудила в значительной степени его рвение к математике.

Большая восприимчивость и живость Д'Аламбера сглаживали неравенство лет; Д'Аламбер был двадцатью шестью годами старше Кондорсе, но умел зажигать в друзьях страсть к математике. Известное его сочинение «О системе мира» нашло в Кондорсе горячего поклонника и возбудило в нем желание заниматься теоретической астрономией. Под влиянием Д'Аламбера Кондорсе написал свое известное сочинение о так называемой задаче трех тел. Но не одна математика сблизила Кондорсе с Д'Аламбером. Оба они обладали разносторонним умом, и частые сношения служили для них обоим источником многих удовольствий. Д'Аламбер всеми силами старался привязать Кондорсе к науке. Из переписки Д'Аламбера с Лагранжем мы узнаем, что Кондорсе мог сделаться членом Академии наук еще в 1768 году, то есть двадцати пяти лет, но тогда против этого сильно восстали его родственники, считая

звание академика несовместимым с достоинством маркиза. Через год те же родственники наконец уступили упорному желанию Кондорсе посвятить себя науке, и в 1769 году он вступил в Академию. Деятельность Кондорсе на новом поприще была настолько значительна, что нам придется говорить о ней особо. Через шесть лет после своего поступления в Академию Кондорсе стал ее секретарем; он занял это почетное место после преодоления больших препятствий.

И здесь дело не обошлось без участия Д'Аламбера; 15 апреля 1775 года он писал Лагранжу: «Против меня и Кондорсе сильно интригуют в Академии, и король всех интриг – Бюффон». Через девять лет после того, как Кондорсе сделался секретарем Академии наук, он наконец был принят в члены Французской Академии на место Сареля. И здесь, как и в Академии наук, его ревностным защитником выступил Д'Аламбер, противником явился Бюффон, а конкурентом – астроном Балли. Гримен упоминает об этом обстоятельстве в своей переписке; он говорит: «Д'Аламбер выиграл настоящее сражение, восторжествовав над Бюффоном». Известный своею пылкостью, Д'Аламбер воскликнул: «Я меньше был бы рад открытию квадратуры круга, чем этой победе». И это произошло за год до смерти Д'Аламбера. На горячую дружбу Д'Аламбера Кондорсе отвечал глубокой привязанностью; он принимал неизменное участие во всех событиях жизни Д'Аламбера, как это видно из переписки его с госпожой Леспинас, подругой великого математика. И Д'Аламбер понимал и ценил сердце Кондорсе настолько, что завещал ему заботиться о тех старых слугах, которые ухаживали за ним во время его последней, долгой и тяжелой, болезни. Кондорсе не обманул надежд Д'Аламбера: он в продолжение всей своей жизни окружал попечениями его старых служителей; после же смерти Кондорсе эти заботы приняла на себя его жена, а потом дочь и муж ее, Оконорэ.

Первый труд Кондорсе по математике относился к интегральному исчислению; он был представлен Академии наук в мае 1765 года и заслужил самые лучшие отзывы Д'Аламбера и Лагранжа. В это время Кондорсе с большим рвением занимался именно математикой, и его мемуары один за другим печатались в сборниках трудов академий Берлинской, Петербургской, Болонской.

От чистой математики Кондорсе перешел к астрономии и занялся труднейшим вопросом об определении пути комет. Этим предметом занимались Ньютон, Фонтен, Эйлер; несмотря на последнее обстоятельство, вопрос был настолько еще не решен, что Берлинская Академия назначила в 1774 году премию за научную его обработку. Премии никто не заслужил, и присуждение ее отсрочили до 1778 года. В этом году Кондорсе получил ее пополам с Темпельгофом.

В июне этого года Лагранж писал Кондорсе: «Ваш превосходный труд заслужил бы полную премию, если бы Вы потрудились дать приложение Ваших общих теоретических соображений к какой-нибудь одной комете; это последнее условие входило в требование Берлинской Академии наук». Но для этого необходимы были сложные вычисления, которых всегда избегал Кондорсе. Он говорил, что механизм этого рода требует самого напряженного внимания и несколько его не возбуждает. В упомянутом нами труде выступают с большою ясностью особенности научных занятий Кондорсе. Он легко преодолел все аналитические трудности и остановился перед сравнительно ничтожными; очевидно, при своих занятиях он не имел в виду решения задачи, поставленной Берлинской Академией, и потому выполнил только ту часть труда, которая представляла интерес для него самого. То же самое в большей или меньшей степени относится и ко всем другим его трудам в области точных наук. Он обращал слишком мало внимания на изложение. Его мысли иногда по глубине и силе можно сравнить с мыслями Эйлера и Лагранжа, но выражены они далеко не так просто, ясно и точно. Д'Аламбер, сам не всегда безупречный в этом отношении, удивлялся, что Кондорсе как бы совершенно забывал о своем читателе. В марте 1772 года он писал по этому

поводу Лагранжу: «Я очень желаю, чтобы наш общий друг Кондорсе, обладающий таким сильным умом и талантом, изменил свою манеру писать, но должно быть она лежит в его природе». Эта небрежность в изложении научных трудов скорее обуславливалась отношением Кондорсе к точным наукам; он находил в них глубокий интерес, но считал эти занятия для себя и для своих современников делом второстепенным.

Занятия наукой он предпочел военной карьере, к которой чувствовал совершенную несклонность. Но слишком большая восприимчивость не давала ему ограничиться одной наукой, уйти в занятие математикой. И эта неспособность хотя бы на время всецело отрешиться от жизни наложила свою печать на все его научные труды. От математики Кондорсе легко и охотно переходил к вопросам нравственности, занимавшим его голову еще в то время, когда он ходил в белом платье. Девятнадцати лет от роду в одном из своих писем к Тюрго он уже высказывал мысль, что, преследуя истину, необходимо прежде всего отложить всякие теологические соображения. Эта мысль созрела в его голове под кровлей иезуитов. В 1775 году он писал также Тюрго: «Необходимо подчинять все личные интересы чувству долга и беречь как драгоценный дар свою природную чувствительность и сострадание к ближним, которые составляют источник всякой добродетели».

Как ни скудны наши сведения о детстве и юности Кондорсе, нам понятна история внутреннего развития его главных свойств – чувствительности и сдержанности, которым он сам придавал такое большое значение в жизни. Прежде чем он начал учиться и стал размышлять, сердце его согрела любовь ко всему, что способно чувствовать и страдать.

После смерти Д'Аламбера Кондорсе только урывками занимался математикой; он начал было печатать свой новый трактат об интегральном исчислении, но издал только первые 16 листов, затем отдался другим занятиям и, по-видимому, совершенно о нем забыл; дальнейшая судьба этого замечательного труда нам, к сожалению, неизвестна.

Справедливость требует сказать, что такое отношение к чистой науке было более или менее свойственно всем французским математикам того времени.

Из биографии Д'Аламбера нам известно, что и его жизнь нередко отвлекала от науки наук; то же самое происходило с Лазаром Карно и Монжем; астроном Бальи погиб на эшафоте. Исключение в этом отношении представляет только Лаплас. Что касается Кондорсе, то отзывчивость его к вопиющим вопросам жизни не знала пределов. В занятиях своих математикой Кондорсе главным образом видел могучее средство развить и укрепить свой ум, и впоследствии он не раз и в письмах, и в разговорах высказывал оригинальную мысль, что научная деятельность служит подготовкой к общественному поприщу.

Оставив продолжение труда по интегральному исчислению, Кондорсе обратился к теории вероятностей, стремясь приложить ее к вопросам нравственности и политики. Это стремление было так ново в то время, что подняло целую бурю, и Кондорсе пришлось со всей энергией отстаивать возможность этого приложения. Теория вероятностей уже оказала великие услуги человечеству: она уяснила всю бесполезность лотерей, азартных игр, пролила истинный свет на все без нее непонятные финансовые операции, которые заключали в себе поистине нечто таинственное для людей, незнакомых с этой теорией. Но Кондорсе хотел воспользоваться своими знаниями анализа, чтобы значительно расширить область приложения теории вероятностей к вопросам общественной жизни и проложить ей новый путь.

И в этом заключается его громадная заслуга, к сожалению последняя в области математики. Мало-помалу другие предметы совершенно отвлекли его внимание. В 1770 году Кондорсе сопровождал Д'Аламбера в его поездке в Ферней к Вольтеру. Несмотря на то, что Вольтер в то время был уже очень стар, он совершенно очаровал Кондорсе; последний писал Тюрго: «Я нашел Вольтера таким живым и деятельным, что готов был бы считать его бессмертным, если бы он не обнаружил такой беспощадной несправедливости к Руссо». Во всяком случае знакомство с Вольтером произвело сильное впечатление на Кондорсе и

возбудило в нем страсть к литературе. С другой стороны, дружба с Тюрго склоняла его к занятиям политической экономией, имеющей близкое отношение к вопросам благосостояния человечества. Из этого, однако, не следует, что Кондорсе был человеком просто подчиняющимся постороннему влиянию. Для того чтобы понять, какое значение для него имела дружба, необходимо познакомиться со многими особенностями его характера и с его взглядом на дружбу.

Характеристикой замечательной личности Кондорсе мы обязаны двум женщинам: жене друга нашего философа, академика Сюора, и госпоже Леспинас, прозванной Музой «Энциклопедии» за свою близость к философам своего времени. Обе они сходятся, как мы увидим, в том, что господствующей чертой характера Кондорсе была доброта.

Глава II

Характер Кондорсе. – Г-жа Сюор о характере Кондорсе. – Портрет Кондорсе, набросанный г-жой Леспинас. – Отношение Кондорсе к Вольтеру и занятия литературой. – Мысли Кондорсе о дружбе. – Личность Тюрго и дружба с ним Кондорсе.

В воспоминаниях г-жи Сюор, жены академика, друга Кондорсе, мы находим следующее описание его личности: «Прелесть, какую я находила в его обществе, обуславливалась не изумительным разнообразием его идей, обнимавших одновременно физические и нравственные законы, – одним словом, все, что действует на разум и воображение... Нет, прелесть эта прежде всего лежала в его доброте, в доброте постоянной и неиссякаемой. Всегда забывая о себе для других, он, по-видимому, даже не замечал приносимых им жертв; его снисходительность ободряет каждого; охотно сознаешься ему во всех своих слабостях, и он жалеет вас, словно разделяя их. Его простота в обращении уничтожает всякую мысль о том, что вы находитесь в обществе одного из умнейших людей своего века. Не покидая высоты, на которой он сам находился, Кондорсе готов снизить до интересов, волнующих заурядные умы. Спокойствие, с каким он обсуждает все, что его лично касается, стоит в поразительном контрасте с той живостью, с какой он относится к несчастьям своих друзей, и с готовностью поспешить к ним на помощь. Он хладнокровно переносит несправедливость, раз она касается его самого. Наоборот, малейшая обида, нанесенная его близким, вызывает в нем энергический отпор.» Сам ядовитый Гримм, которому Руссо так охотно приписывал разрыв свой с энциклопедистами и чьи сарказмы преследовали его до могилы, не находит для Кондорсе ничего кроме похвалы. «Это сильный ум, – пишет он, – склонный к философии; доброта блещет в его глазах, и вся наружность говорит о прекраснейших и самых мирных качествах души. Все друзья в один голос величают его „добрым Кондорсе“.»

В дальнейшем, излагая биографию Кондорсе, мы на каждом шагу будем находить подтверждения меткой и справедливой характеристики, сделанной госпожой Сюор. Эта сознательная доброта, как мы увидим, одинаково проявляется в его практической и теоретической деятельности. Г-жа Сюор говорит здесь об отношении Кондорсе к друзьям, но для полноты этой характеристики нам остается прибавить, что друзьями его в этом отношении были все люди без исключения.

В XVIII веке в обществе энциклопедистов было в большом ходу писать портреты своих знакомых; кто не владел кистью, тот прибегал к перу. Портрет Кондорсе был набросан мастерской рукой г-жи де Леспинас, как видно, по его собственной просьбе. Г-жа де Леспинас принадлежала к кругу лучших друзей Кондорсе, и ее мнение о нем важно для нас, потому что вряд ли кто-нибудь другой из его современников обладал большей возможностью изучить его. «В лице Кондорсе, – пишет г-жа Леспинас, – бросается в глаза преобладающее качество его души – доброта; его мягкие черты не отличаются живостью; он держит себя просто и несколько небрежно. Всякий, кто посмотрит на него мимоходом, скорее скажет: „Вот добрый человек“, чем: „Вот умный человек“. Но из этого, конечно, нельзя заключить, чтобы Кондорсе был тем, кого принято называть *добряком*. Природа одарила его великим умом, сильным талантом. Ум его обладает божественным свойством: он бесконечен и вездесущ. Свойства его души аналогичны его уму, они отличаются таким же разнообразием и такой же силой. Доброта его безгранична; это своего рода фонд, на который может рассчитывать каждый, в нем нуждающийся.

Он обладает всеми оттенками доброты и за каждый из них мог бы быть безумно любим теми, кто его знает. Он отличается такую чувствительностью, что несчастья и страдания друзей всегда ощущает, как собственные. Он любит много и любит многих. Каждый из его друзей не мог желать от него ничего большего и мог считать себя его единственным другом.

Между тем люди, мало знающие Кондорсе, легко могут принять его за человека холодного. Никому никогда не говорит он: *я вас люблю*, – но не упускает ни одного случая доказать это на деле. Он не располагает вас ни к каким припадкам нежности и сердечным излияниям; вы не придете к нему, чтобы открыть свое сердце, но также вам никогда не придет в голову скрывать от него что бы то ни было. С ним каждый чувствует себя, как с самим собою.

Я сказала – ум его отличается величайшим разнообразием; из этого можно было бы заключить, что беседа его самая оживленная и разговор полон очарования. В действительности же оказывается, что он в обществе большей частью молчит и говорит только то, о чем его спрашивают, или то, что он считает необходимым сказать. Кондорсе – плохой собеседник уже потому, что всегда имеет вид человека рассеянного или во что-то погруженного. В то же время в высшей степени странно, что от него ничто не ускользает; он замечает все до мельчайших подробностей, умеет подметить все смешное и передать это с такой тонкостью, с таким беспощадным остроумием, которое опять представляет резкий контраст с его необыкновенной снисходительностью к людям.

Работая по десяти часов в день, Кондорсе имеет вид человека незанятого; он как будто теряет время и готов отдать его первому встречному; как философ отличается изумительной деятельностью, а вид у него спокойный, как у человека, которому все трын-трава. Он никогда не жалуется на то, что люди отнимают у него время, и его дверь всегда открыта для всех и каждого. Кондорсе совершенно отказался от светской жизни и предпочитает видеться с теми, кому он нужен. Он всем готов пожертвовать для других и дорожит только своими привязанностями. Он любит театр, но никогда не посещает его, чтобы иметь возможность отдавать короткие досуги своим друзьям. Кондорсе скуп на ласки, хотя иногда и у него являются припадки нежности – не из одной любезности обнимает и целует он своего друга после долгой разлуки.

Эта безмятежная душа, не выходящая обыкновенно из состояния равновесия, становится страстной и пламенной, когда речь идет о защите угнетенных или о защите свободы; в последних случаях он страдает, действует, говорит, пишет со всей энергией самого пылкого человека.

Я не знаю, свойственно ли Кондорсе чувство тщеславия, которому так сильно подвержены мы все; могу только сказать, что мне никогда и ни в каких случаях не удалось подметить в нем ни малейшего проявления этого чувства».

Сходство обеих приведенных нами характеристик бросается в глаза.

Итак, по мнению г-жи Леспинас, Кондорсе был полон самых резких контрастов, которые, однако, все легко объясняются соединением большой чувствительности с удивительной сдержанностью. Д'Аламбер говорил о нем: «Это вулкан, покрытый снегом».

Особого внимания заслуживает замечание Леспинас, что ей никогда не удавалось подметить в Кондорсе ни малейшего честолюбия. Разумеется, оно не укрылось бы от пронизательных глаз Леспинас, если бы его можно было отыскать в сердце Кондорсе. Этим совершенным отсутствием честолюбия объясняется многое в жизни Кондорсе, и между прочим то, что у него совершенно не было *личных* врагов между современниками.

Вообще отношение его к людям можно назвать безукоризненным; в этом он стоит положительно выше всех своих великих современников; особенно же его характеризует с этой стороны дружба с Вольтером. «Жизнь Вольтера», написанная Кондорсе, представляет замечательное литературное произведение; оно служит и теперь лучшим источником для биографии первого. Мы находим здесь полное, всестороннее понимание личности великого писателя и верную, беспристрастную оценку его деятельности. Но самое ценное для нас в данном случае то, что в биографии Вольтера, написанной Кондорсе, с особенной яркостью выступает все, что было лучшего в Вольтере. В предисловии своем к «Жизни Вольтера» Кондорсе говорит, что эта биография должна быть историей прогресса и искусств, которым

принес Вольтер так много пользы своим гением, историей его могучего влияния на умственную жизнь и взгляды своих современников, наконец, историей долгой войны с предрассудками, объявленной философом в самые юные годы и окончившейся только с его смертью. Кондорсе как нельзя лучше сумел отделить главные черты характера Вольтера от других, второстепенных, которые мало гармонировали с первыми и в значительной степени ослабляли производимое им обаяние. Мы видели уже по выдержке из письма Кондорсе к Тюрго, приведенной в первой главе, что он нисколько не был ослеплен Вольтером, напротив, как нельзя лучше видел его слабости, но они никогда не могли в его глазах затмить достоинств Вольтера. Из объемистой переписки Кондорсе с Вольтером также видно, что первый очень часто говорил в глаза правду второму, но всегда так, что это нисколько не портило их отношений. Разумеется, это обуславливалось не одними внешними приемами, вежливостью или мягкостью, которыми в высшей степени обладал Кондорсе. И другие друзья Вольтера более или менее отличались теми же качествами, но никто из них не был в *такой степени* чужд зависти, как Кондорсе, и никому из них не была *так* дорога слава Вольтера. Такие отношения с Вольтером открыли Кондорсе возможность ближе узнать фернейского философа, и притом с лучшей стороны. Дружбу Вольтера и маркизы Шателе и личность последней, подвергавшуюся стольким пересудам, Кондорсе описывает следующим образом:

«Незадолго до начала гонений иная дружба доставила Вольтеру более теплое утешение и увеличила его любовь к уединению, – то была дружба маркизы де Шателе, тоже страстно преданной науке и славе. Она была философ, но исповедовала то философское учение, источник которого – сильная и свободная душа; она настолько изучила метафизику и геометрию, что могла разбирать Лейбница и переводить Ньютона, занималась искусствами, знала в них толк, но и им предпочитала изучение жизни людей и вообще человеческой природы. Такова была подруга, которую избрал Вольтер, чтобы вести жизнь чисто трудовую, украшенную только взаимной дружбой». Далее Кондорсе трогательно описывает смерть маркизы, которую ускорили ее усиленные занятия, и глубокую, безмолвную печаль Вольтера. Он говорит: «Вольтер искал и находил утешение в усиленном труде. Многие приписывали это его бесчувственности». Кондорсе же, являясь знатоком человеческого сердца, замечает, что «уменьше сдерживать свои чувства чаще всего встречается у людей, способных сильно и глубоко чувствовать, к числу которых бесспорно принадлежал Вольтер». Престарелый философ сохранил, по словам Кондорсе, «до глубокой старости свой энтузиазм к свободе, деятельность министра Тюрго приводила его в такой восторг, что он не раз готов был целовать ту руку, которая подписывала декреты, клонившиеся к распространению свободы и равенства между людьми».

Переписка Кондорсе с Вольтером продолжалась около восьми лет, с первого дня знакомства и до самой смерти Вольтера в 1778 году. Мы, конечно, не имеем намерения входить в нее подробно, но приведем здесь те немногие выдержки, которые существенно необходимы для характеристики их отношений.

В биографии Вольтера Кондорсе рисует его врагом всякого угнетения и неправды. Он говорит: «Если добродетель состоит в том, чтобы делать добро и любить человечество со страстью, то кто больше Вольтера заслуживает название добродетельного? Желание добра и любовь к славе – единственные страсти, никогда его не покидавшие».

Он останавливает свое главное внимание на тех сочинениях Вольтера, в которых проводятся дорогие ему убеждения, и высоко ставит поэмы «Естественный закон» и «Разрушение Лиссабона», потому что встречает в них доказательства существования общечеловеческой нравственности, независимой от верований. Но самого большого одобрения, по его мнению, заслуживает «Трактат о веротерпимости, или Вопиющая кровь невинного».

Вольтер упорно добивался поставить на парижской сцене свою «Ирину» – трагедию, написанную им в глубокой старости. Кондорсе, предвидя неудачу этой пьесы, сильно вос-

ставал против желания Вольтера; он писал в Ферней по поводу этого в конце 1777 года: «Вспомните, что Вы приучили нас к совершенству своим описанием страстей, драматических положений и характеров, как Расин – к совершенству слога... Вы сами виноваты в нашей требовательности».

На это Вольтер отвечал Кондорсе следующим письмом:

«Ферней. 12 января 1778 г.

Мой милый всеобъемлющий философ, Ваши знания вызывают мое удивление, а Ваша дружба мне с каждым днем становится все драгоценней. Мне больно и стыдно, что я не разделяю вашего взгляда на попытку восьмидесятичетырехлетнего старика. Слезы на глазах образованных людей, понимающих страсти, убедили меня в том, что моя пьеса хорошо написана и может иметь успех в Париже. Я буду в большом горе, если обманусь в своих ожиданиях. Я согласен со многими истинами, Вами высказанными, и могу еще от себя прибавить к ним многое. Когда я работал над превращением очерков в картину, Ваши умные и дружеские замечания увеличивали мои собственные сомнения. В искусствах трудно что-нибудь сделать без просвещенного друга».

Вольтер и Монтескье одно время враждовали между собой. Оба они не скрывали своих чувств. Вольтер, живя в Фернее, написал несколько критических заметок на «Дух законов» Монтескье и отослал их в Париж своим друзьям с просьбой их напечатать. Кондорсе восстал против этого желания и написал Вольтеру:

«Неужели Вы не видите, неужели Вы не понимаете, что за эти заметки Вас будут упрекать после всех Ваших похвал этому же писателю? Его поклонники, оскорбленные резкой формой вашей критики, начнут в Ваших сочинениях искать подобных же промахов и, без сомнения, найдут их: Цезарь и тот, рассказывая собственные подвиги, ошибался... Надеюсь, Вы простите мне, что я иду против Вас. Моя привязанность заставляет меня говорить Вам то, что для Вас полезно, а не то, что Вам вредит. Если бы я любил Вас менее, то во всем соглашался бы с Вами. Мне известны промахи Монтескье, но Вам-то не следует о них помнить».

На это письмо Кондорсе Вольтер отвечал:

«У меня нет слов для ответа на письмо истинного философа. Благодарю его от всего сердца. Что делать, всегда мы издали плохо различаем предметы. Никогда не стыдно ходить в школу, даже в лета Мафусаила; еще раз благодарю».

Но и Кондорсе, конечно, со своей стороны был за многое благодарен Вольтеру. Близкие сношения с великим писателем пробудили его природный крупный литературный талант.

Первым литературным сочинением Кондорсе было «Письмо теолога к автору „Словаря трех веков“»; оно отличалось блестящим остроумием. Он написал это сочинение в 1774 году и издал, не подписав своего имени. Достоинства этого сочинения были таковы, что его приписывали самому Вольтеру. Фернейский же философ был в то время так болен, что боялся всяких тревог и гонений, от которых сильно устал. Он убеждал всех, что его нельзя и подзрывать в сочинении этого «Письма»; последнее выдавало глубокие математические познания автора, а он уже сорок лет как отказался от занятий математикой. В молодости Вольтер весьма усердно и довольно долгое время занимался математикой и физикой; ему даже не раз приходила в голову мысль посвятить себя этим наукам, но математик Клеро отсоветовал ему это, сказав, что в математике он не пойдет дальше посредственности. Однако, по мнению Кондорсе, занятия математикой принесли очень много пользы Вольтеру, содействуя разностороннему развитию его ума.

Смелость «Письма теолога» настолько беспокоила Вольтера, что он говорил всем: «Я – восьмидесятилетний старик и хочу умереть на своей постели». В одном из своих писем он выразился таким образом об авторе «Письма теолога»: «Он красноречив и неосторожен. Письмо опасно и удивительно; оно без сомнения подымет на ноги всех врагов философии. Я не хочу ни славы автора, ни наказания за его смелость. Чтобы отважиться издать такое

сочинение, нужно владеть стотысячной армией». Из всего этого мы видим, что первые шаги Кондорсе на литературном поприще были так же удачны, как и в области науки. Но и в литературе он также не сделал того, что мог бы совершить, потому что его неотразимо влекла к себе общественная жизнь, и он, под влиянием Тюрго, отдался занятиям политической экономией.

Из всех дружеских привязанностей Кондорсе самой сильной была привязанность к Тюрго. Это была совсем особенная дружба; для того, чтобы ее охарактеризовать, приведем слова Кондорсе о двух неразлучных друзьях – Жакье и Сера:

«Их дружба не принадлежала к разряду тех обыкновенных привязанностей, которые возникают и поддерживаются только общностью склонностей, мыслей и привычек.

Она обуславливалась естественным неодолимым влечением друг к другу. В таких возвышенных и глубоких привязанностях один чувствует все страдания другого и разделяет его радости. Такой друг – это не просто человек, которого предпочитаешь всем остальным; нет, это совершенно особенное существо; его даже не приходит в голову сравнивать с кем бы то ни было; мы любим в нем не его таланты и добродетели, – все это находим мы и у других в такой же степени, – а его самого. Отрицать такое чувство могут только несчастные люди, никогда его не испытывавшие».

Таким истинным другом Кондорсе был Тюрго. Все их убеждения, надежды, мечты и отношение к окружающей действительности были не только сходны, но вполне тождественны. При таких условиях Тюрго нетрудно было увлечь Кондорсе политической деятельностью, к которой он сам чувствовал живейшую склонность.

После смерти Тюрго Кондорсе написал его биографию. В своем предисловии к ней он говорит, что рассматривает Тюрго главным образом как философа, а не как государственного человека. Этот труд, по его словам, – дань памяти великого человека, им нежно любимого, дружба которого была ему так приятна и полезна, что воспоминание о ней сделалось одним из прекрасных и печальных чувств, способных наполнить наше существование. Влияние личности Тюрго на жизнь Кондорсе было так велико, что нам приходится сказать о нем несколько слов. Кондорсе говорит также в упомянутой биографии:

«Среди министров, которые короткое время держат в руках своих власть, немногие заслуживают внимания. Нечего и упоминать о людях, разделявших убеждения и предрассудки своего века. Их история сливается со *всеобщей* историей. Но люди, одаренные высшими умственными способностями, с добродетелями, исключительно им свойственными, со взглядами, опередившими свой век, должны возбуждать интерес всех веков и народов. К числу таких людей принадлежал и Тюрго. Любовь ко всему человечеству, воодушевлявшая его, побудила и меня написать его биографию». Далее Кондорсе прибавляет, что дружба, конечно, не помешает ему быть беспристрастным, потому что «самое большее благодеяние, какое может оказать один человек другому, – это сказать ему или о нем правду, ничего не умаляя и ничего не преувеличивая». Биография Тюрго считается одним из лучших произведений Кондорсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.